

Новиков Дмитрий Павлович

ДЖИНГОИЗМ КАК ФЕНОМЕН ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ США

Статья обращена к проблеме эволюции американской внешней политики и идеологии в конце XIX - начале XX в. В этот период наблюдаются первые попытки системного переосмысления места и роли США в мире после почти столетнего господства изоляционизма во внешнеполитическом дискурсе страны. Раскрываются такой феномен общественно-политической жизни США того времени, как джингоизм, его идейные и теоретические основы, а также роль в трансформации американской внешнеполитической идеологии в начале XX в.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. II. С. 111-114. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94

Исторические науки и археология

Статья обращена к проблеме эволюции американской внешней политики и идеологии в конце XIX – начале XX в. В этот период наблюдаются первые попытки системного переосмысления места и роли США в мире после почти столетнего господства изоляционизма во внешнеполитическом дискурсе страны. Раскрываются такой феномен общественно-политической жизни США того времени, как джингоизм, его идейные и теоретические основы, а также роль в трансформации американской внешнеполитической идеологии в начале XX в.

Ключевые слова и фразы: история США; внешняя политика США; идеологические течения США; международные отношения; американский изоляционизм.

Новиков Дмитрий Павлович

*Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики
dprcom@gmail.com*

ДЖИНГОИЗМ КАК ФЕНОМЕН ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ США[©]

Стремительное экономическое развитие США в последней трети XIX в. – прирост валового национального продукта составил в среднем на 4,3% с 1970 по 1913 гг. [11, р. 1] – было фактором роста государственной мощи страны и обеспечило увеличение объема ресурсов, которые могли бы быть затрачены на внешнюю политику. Одновременно с этим качественно возросшая вовлеченность США в систему мирового хозяйства через торговлю и инвестиции объективно толкала страну к большей вовлеченности в международную политику. В последние два десятилетия XIX столетия это выразилось в попытке группы политиков и интеллектуалов нового поколения сформулировать новый внешнеполитический нарратив, основанный на идее национального величия и создания американской колониальной империи. В прессе сторонники такого подхода по аналогии с их британскими «собратьями» получили полшутучное название «джинго»¹, а отстаиваемые ими принципы – джингоизм.

К самым ярким джингоистам принято относить двадцать шестого президента США Теодора Рузвельта (1901-1909), в период правления которого США увеличили военно-политическое присутствие в Карибском бассейне и Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также ряд членов его кабинета. Их наиболее значимым доктринальным вкладом во внешнюю политику стал так называемый королларий (поправка) Рузвельта к доктрине Монро, заложивший основы современной идеологии американского интервенционизма. В связи с этим изучение феномена джингоизма как идеологии, направленной на пересмотр господствовавшего в США на протяжении XIX в. изоляционизма и положившей начало глобальному военно-политическому присутствию страны в мире, представляется актуальной исследовательской задачей.

Проекты отхода от утвердившейся в конце XVIII в. изоляционистской внешней политики выдвигались в Америке и ранее. Первый министр финансов независимых Соединенных Штатов А. Гамильтон и его сторонники рассматривали изоляционизм как временную стратегию накопления сил для превращения США в великую державу [8].

Позже, в 60-е гг. XIX в., государственный секретарь У. Сьюард, служивший в администрациях президентов А. Линкольна (1861-1865) и Э. Джонсона (1865-1869), был одним из первых, кто выдвинул план внеконтинентальной экспансии: аннексии Доминиканской Республики, Гаити, Гавайев и Кубы, тем самым предвосхитив события почти на 40 лет [10, р. 32]. Однако тогда он не нашел поддержки ни в широких слоях общества, ни среди элиты. Ужасы прошедшей Гражданской войны способствовали укреплению в стране изоляционистских настроений, несмотря на возросший в период конфликта военный потенциал и резкое повышение политической роли военных.

Десятилетия спустя для нового поколения американцев прошедшая Гражданская война представала уже мифом, овеянным героизмом солдат и с той, и с другой стороны. Последние декады XIX столетия были временем «пестрых националистических фестивалей и ура-патриотизма» [16, р. 44]: необычайно возросла популярность празднования Дня Памяти (Memorial Day) и почитания ветеранов Гражданской войны. Величие нации стало актуальной темой для разговоров в среде простых американцев.

На этой волне сформировалась небольшая группа джингоистов-интеллектуалов, стремившихся к пересмотру идеологии изоляционизма. К ним принято относить одного из крупнейших военных теоретиков своего времени А. Мэхэна, экономиста Ч. Конанта, историков Б. Адамса, Д. Фиске и Ф. Тернера, Д. Стронга, а также плеяду молодых амбициозных политиков: Т. Рузвельта, Г. К. Лоджа, А. Бевериджа и др. Все они составили интеллектуальное ядро джингоизма, принявшего благодаря их усилиям форму осознанной политической программы.

Рассмотрим кратко теоретические тезисы трех наиболее ярких представителей своих областей: Ч. Конанта (экономическая теория), А. Мэхэна (военная теория) и Т. Рузвельта (историк и политик).

Основной проблемой, стоявшей перед американскими экономистами того времени, было сохранение опережающих темпов роста США в условиях обостряющейся экономической и политической конкуренции.

[©] Новиков Д. П., 2015

¹ Джинго (от англ. *Jingo*) – термин, возникший в Великобритании во второй половине XIX в., обозначавший торсионников экспансионистских и шовинистских взглядов.

Экономист и публицист Ч. Конант стремился создать и популяризировать экономическую аргументацию изменения внешней политики США. В вышедшей в 1896 г. из-под его пера «Истории современных инвестиционных банков» [7] формулировались идеи, которые мы сможем найти и в трудах фабианца Гобсона, и у Ленина, правда, с несколько измененными оценками. Конант последовательно доказывал, что современные технологии и потребность в больших объемах основного капитала делают несостоятельными закон равновесия спроса и предложения и порождают хронически избыточные сбережения, которые он определял как сбережения, превышающие возможности прибыльного вложения капитала в развитых капиталистических странах Запада.

В последующих статьях Конант сформулировал конкретный рецепт преодоления проблемы избыточного капитала, призывая государство к еще большей активности вовне. Неизбежность переориентации инвестиций в страны Азии и Африки, очевидно, представлялась ему предтечей новой эры американской внешней политики: «Никогда ранее доля подлежащего поглощению капитала не была столь большой по сравнению с возможным спросом на него... Следовательно, в интересах обнаружения новых выгодных сфер использования капитала необходимо, чтобы крупные индустриальные страны обратились к странам, пока не почувствовавшим биения пульса современного прогресса» [2, с. 140-147].

То, что «обращение» неизбежно примет ту или иную форму военно-политического вмешательства, обуславливалось двумя факторами. Первым полагалась чисто техническая невозможность ведения бизнеса в неразвитых странах, не входивших до этого в систему капитализма, что порождало необходимость экспорта социально-экономической и политической модели из стран развитых стран. Так, бостонская газета «Ю ЭС Инвестор» размышляла на этот счет следующим образом: «Логичным выводом является развитие природных богатств тропических стран... В некоторых случаях эта задача может быть решена, если руководство и управление возьмут в свои руки народы зон умеренного климата...» [Цит. по: 4, с. 218]. Испомещенный за рубежом капитал требовал гарантий своей безопасности. Вторым фактором, требовавшим увеличения военного потенциала и политической вовлеченности, была усиливающаяся конкуренция между великими державами, выраженная в обострившейся колониальной гонке.

В это же время А. Мэхэн развивал свою концепцию «навализма» – новой военной доктрины, сформулированной им в ряде теоретических трудов по исследованию фактора морской силы в истории. В наиболее известной работе «Влияние морской силы на историю (1660-1783)» [13] и последующих трудах Мэхэн на исторических примерах развивал идею о необходимости строительства мощного флота, главным образом крупных военных кораблей, для установления контроля над морем, «этим великим общим достоянием и большим торговым трактом» [3, с. 518], увязывая коммерческий успех нации с размерами и эффективностью ее «морской силы».

В Америке, в течение почти столетия своего независимого существования воспринимавшей океан лишь как естественную оборонительную преграду, это было настоящим откровением. Мэхэн смотрел на роль океана совсем под другим углом, представляя его как главное поле боя, ибо контроль над морями означал обладание мировыми коммуникациями и в конечном счёте ключ к глобальному доминированию. Соответственно, любая держава, претендующая на сколь-либо значительную роль в мире, должна иметь сильный флот. Иными словами, Мэхэн предлагал использовать морские просторы для извлечения стратегических преимуществ из возможности проецирования силы в любом регионе, где потребуется военно-политическая вовлеченность США.

Идеи Мэхэна не были абсолютным новшеством. Задолго до него, еще в 1858 г., командер Д. Уорд также на исторических примерах войны 1812-1814 годов и Крымской войны, в которых превосходство британского королевского флота сыграло решающую роль, доказывал необходимость создания «эффективной военно-морской организации» [17, р. 125]. Другой теоретик Р. Шуфелт в конце 1870-х гг. анализировал связь между коммерческим успехом нации и мощью ее военно-морских сил, также приходя к выводу, что торговый и военный флот – это две взаимосвязанные составные части формулы успеха, что резко контрастировало со сформировавшимся в США дисбалансом морского флота в сторону торговых кораблей. Эти идеи составили лейтмотив поздней теории Мэхэна [5, с. 52].

Мэхэн также делал акцент на невозможности изоляции в условиях глобальной конкуренции, заходя с позиций не экономической, а военной теории. «Повсюду нас окружает вражда, фразы “борьба за жизнь”, “гонка, где ставкой является жизнь” настолько знакомы нам, что мы не чувствуем их значимости до тех пор, пока не задумываемся о них. Государства повсюду ополчаются против государств, и наша собственная страна поступает так же, как другие» [3, с. 134]. Опираясь исторической аргументацией, Мэхэн последовательно доказывал необходимость превращения морского пространства из оборонного фактора в инструмент нападения и контроля.

Однако центральной фигурой американских джингоистов конца XIX века, сумевшей собрать разрозненные аргументы сторонников ужесточения внешней политики США, сформулировать на их основе политическую программу и сделать попытку воплотить ее в жизнь, стал Т. Рузвельт. Еще в колледже Рузвельт работал над своим первым трудом по истории. Проба пера оказалась довольно удачной, во всяком случае, его «Морскую войну 1812 года» [14] по достоинству оценили в Военно-морском колледже Аннаполиса, где она стала основой для лекционного курса, читаемого на протяжении многих лет. Работа в области военно-морской истории продемонстрировала глубокую увлеченность будущего президента этим вопросом.

Главным историческим трудом Рузвельта, однако, стало «Покорение Запада», которое можно назвать квинтэссенцией рузвельтовского понимания истории, основой которой становится идея «бремени белого человека». «Покорение Запада», написанное в так называемый «дакотский период», когда будущий президент проживал в штате Дакота в среде недавних переселенцев, было знаковым произведением того времени. В фокусе внимания автора, подобно ряду других историков того времени, была борьба между цивилизованными

и нецивилизованными народами – в лице первых выступали американские переселенцы, начиная с XIX в. активно колонизировавшие лежащие к западу от первых 13 штатов земли; в лице последних – индейские племена. Рузвельт описывал индейцев, которые были коренными жителями Северной Америки, как диких и неспособных к созиданию, а потому «не имеющих право на эти земли» [15, р. 47] перед новыми поселенцами, завоевывающими себе это право сохой и мотыгами. Право сильного одерживало на страницах книги историческую победу – такое понимание истории было широко распространено среди американских джингоистов.

Книги Рузвельта сделали его заметной фигурой в среде джинго-интеллектуалов, которые к началу 90-х гг. XIX века составили в Вашингтоне небольшой клуб завсегдаев, встречающихся в гостях у Г. Адамса в доме на Лафайет Сквер. Рузвельт продемонстрировал не только лидерские способности, но и способность абсорбировать мысли своих друзей, увязывать их с текущей политической ситуацией и формулировать целостную повестку дня.

К середине 90-х гг. он стал уже видной фигурой и перспективным политиком с репутацией яркого джингоиста. Первое интервью “New York Times”, после вступления Рузвельта в должность шефа нью-йоркской полиции в 1895 г., было в значительной степени посвящено его внешнеполитическим взглядам. «Многие говорят о “джингоизме”, – делился будущий президент мыслями. – Если под “джингоизмом” подразумевается политика, в соответствии с которой американцы решительно и здраво настаивают на уважении своих прав иностранными державами, тогда да, мы “джингоисты”» [6].

В этом «уважении прав иностранными державами» содержится больше, чем попытка оправдать свои агрессивные взгляды. Рузвельт, как показала история, уже тогда обнаружил в себе сочетание романтического представления о «бремени белого человека» и конструктивного реализма во внешней политике. Представление о несовершенстве и хрупкости международной системы, восприятие других стран в первую очередь как потенциальных соперников, что делало сотрудничество возможным исключительно на рациональной основе, являлось краеугольным камнем, на котором строилась рузвельтовская внешнеполитическая концепция. В 1897 г., выступая уже в качестве заместителя секретаря военно-морских сил в Военно-Морском колледже, он заявлял: «Готовность к войне есть кратчайший путь к миру. Арбитраж – прекрасная вещь, но в конечном счёте те, кто желает видеть нашу страну в мире с иностранными державами, будут мудры, если положат в его основу первоклассный флот из первоклассных боевых кораблей, а не арбитражный договор – то, что имеет ценность лишь до тех пор, пока ему есть место в умах людей» [Цит. по: 12, р. 75].

Рузвельт, таким образом, будучи вовлеченным в политическую деятельность, явил собой «джингоиста-практика», в отличие от «джингоистов-теоретиков» Мэхэна и Конанта. В этом отношении их интеллектуальное сотрудничество было чрезвычайно плодотворным: Рузвельт в одинаковой мере впитывал аргументы Мэхэна и Конанта, а также других джингоистов, трансформируя их в политическую философию, которая в риторике будущего президента существенно отклонилась от присущих американскому внешнеполитическому дискурсу изоляционизма и идеализма. Рузвельтовский джингоизм оказался опасно близко к господствовавшей в европейском политическом сознании концепции *realpolitik*, однако сохранил элемент мессианства, который ярко проявлялся и в идеологии изоляционизма. В ходе президентской кампании 1900 г. составивший пару У. Маккинли в качестве вице-президента Рузвельт доказывал, что «нет никакой разделяющей линии» между испано-американской войной и «методами, которыми были приобретены Мичиган, Иллинойс, Флорида, Луизиана, Миннесота, Миссури, Орегон, Калифорния, Гавайи и Аляска» [Цит. по: 9, р. 47]. Таким образом, обосновывая территориальную экспансию, будущий президент обращался к мессианским чувствам простого американца, видевшего «длань судьбы» в процессе присоединения и освоения все новых континентальных территорий.

Это сочетание мессианства, теоретической проработки и реалистского восприятия международной политики позволяют рассматривать американский джингоизм своеобразным идеологическим феноменом американского политического дискурса и международно-политической мысли того времени как таковой.

Таким образом, джингоисты в 90-е гг. сумели сформулировать целую систему теоретических и практических аргументов, обосновывающих разворот к экспансии и проведению великодержавной политики вовне. Сравнение основных положений изоляционизма и джингоизма как внешнеполитических идеологий позволяет говорить о глубоких различиях между двумя программами:

Таблица 1.

Сравнение основных аспектов изоляционизма и джингоизма как внешнеполитических идеологий

Аспекты	Изоляционизм	Джингоизм
Политический идеал	Демократический (нет гегемона, международные отношения регулируются международным правом)	Олигархический (Великие державы вместе с США)
Оценка текущего состояния	Состояние СМО (системы международных отношений) оценивается как удовлетворительное и не предполагает изменений	Состояние СМО оценивается как неудовлетворительное и предполагает перераспределение власти в пользу США
Приоритетные цели	Развитие торгово-экономических связей	Территориальная экспансия, создание колоний
Основной внешнеполитический ресурс	Экономический потенциал	Военный потенциал

Как видно, программа, продвигаемая джингоистами с Лафайет Стрит, серьезным образом переосмысливала сложившуюся в США идеологию и практику внешней политики во всех аспектах – от целеполагания до инструментов достижения. В известной степени комплексная аргументация и попытка сформулировать свою, отличную от мейнстрима, внешнеполитическую программу дают возможность некоторым исследователям внешней политики США говорить о возникновении «школы Рузвельта» [1, с. 20], представленной джингоистами, которая идейно противостояла изоляционизму, а впоследствии вильсонизму.

Концептуализация новой внешней политики шла рука об руку с попытками ее практической реализации. Еще в начале 90-х гг. джингоисты образовали сплоченную группу интересов с развернутыми связями в дипломатических, военных и академических кругах, а также СМИ, что создавало предпосылки для продвижения их лидеров к рычагам управления государством.

Трагическая смерть У. Маккинли в 1901 г. поставила Рузвельта во главе американского государства. На короткий период джингоистская программа легла в основу внешней политики США, вылившись в так называемую «политику большой дубинки», выражавшуюся в интервенционистских практиках, утвердившихся во внешней политике Рузвельта.

Хотя впоследствии джингоизм получил мощный интеллектуальный вызов в виде вильсонизма и в значительной степени уступил ему место главенствующей внешнеполитической школы в США [Там же, с. 43-44], историческое значение джингоизма трудно переоценить. Внешнеполитическая программа Рузвельта, создав мощную альтернативу изоляционизму, способствовала изменению и адаптации последнего к новым реалиям международной политики и новым потребностям США.

Список литературы

1. **Киссинджер Г.** Дипломатия. М., 1997. 848 с.
2. **Конант Ч.** Экономическая основа империализма // История США: хрестоматия / ред. Э. А. Иванян. М., 2005. С. 140-148.
3. **Мэхэн А. Т.** Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю. СПб., 2002. Т. II. 608 с.
4. **Ротбард М.** История денежного обращения и банковского дела в США. М., 2005. 548 с.
5. **Федоров Н. В.** Идеи адмирала А. Т. Мэхэна и военно-морская политика великих держав в конце XIX – начале XX в. СПб., 2010. 239 с.
6. **A GREAT MEETING FOR REFORM; Dr. Parkhurst and Commissioner Roosevelt Speak – Mr. Platt and the Excise Law Subjects of Their Remarks** [Электронный ресурс]. URL: <http://query.nytimes.com/gst/abstract.html?res=9C01E3D61039E033A2575BC0A9669D94649ED7CF> (дата обращения: 20.11.2014).
7. **Conant C.** A History of Modern Banks of Issue. N. Y., 1896. 842 p.
8. **Hamilton A., Madison J., Jay J.** The Federalist Papers. Chapters 2-5 [Электронный ресурс]. URL: <http://thomas.loc.gov/home/histdox/fedpapers.html> (дата обращения: 22.11.2014).
9. **Harbaugh W.** The Writings of Theodore Roosevelt. Washington, 1967. 407 p.
10. **Hastedt G.** Encyclopedia of American Foreign Policy. N. Y., 2004. 544 p.
11. **Historical Statistics of the United States 1789-1945.** Washington, 1975. 363 p.
12. **Johnson W.** Addresses and Papers of Theodore Roosevelt. N. Y., 1909. 510 p.
13. **Mahan A. T.** Influence of Sea Power upon History (1660-1783). N. Y., 1890. 484 p.
14. **Roosevelt T.** The Naval War of 1812. N. Y., 1882. 308 p.
15. **Roosevelt T.** The Winning of the West. Lincoln, 1995. Vol. II. 427 p.
16. **Thomas E.** The War Lovers. Roosevelt, Lodge, Hearst, and the Rush to Empire, 1898. N. Y., 1995. 471 p.
17. **Ward J. H.** A Manual of Naval Tactics: Together with a Brief Critical Analysis of the Principal Modern Naval Battles. N. Y., 1859. 208 p.

JINGOISM AS A PHENOMENON OF FOREIGN-POLICY IDEOLOGY OF THE USA

Novikov Dmitrii Pavlovich

*National Research University – Higher School of Economics
dpcncom@gmail.com*

The article addresses the problem of the evolution of American foreign policy and ideology at the end of the XIX – the beginning of the XX century. In this period the first attempts of the systemic rethinking of the place and role of the USA in the world after almost the centenary domination of isolationism in the foreign-policy discourse of the country are observed. Such phenomenon of the social and political life of the USA of that time as jingoism, its ideological and theoretical foundations, and also the role in the transformation of American foreign-policy ideology at the beginning of the XX century are revealed.

Key words and phrases: history of the USA; foreign policy of the USA; ideological trends of the USA; international relations; American isolationism.